

Старый Юг

Х. М. Хэмилл

The Old South

A Monograph

BY H. M. HAMILL, D.D.

Электронная книга проекта Гутенберга о старом Юге

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Старый Юг

Монография

Автор: Х. М. Хэмилл

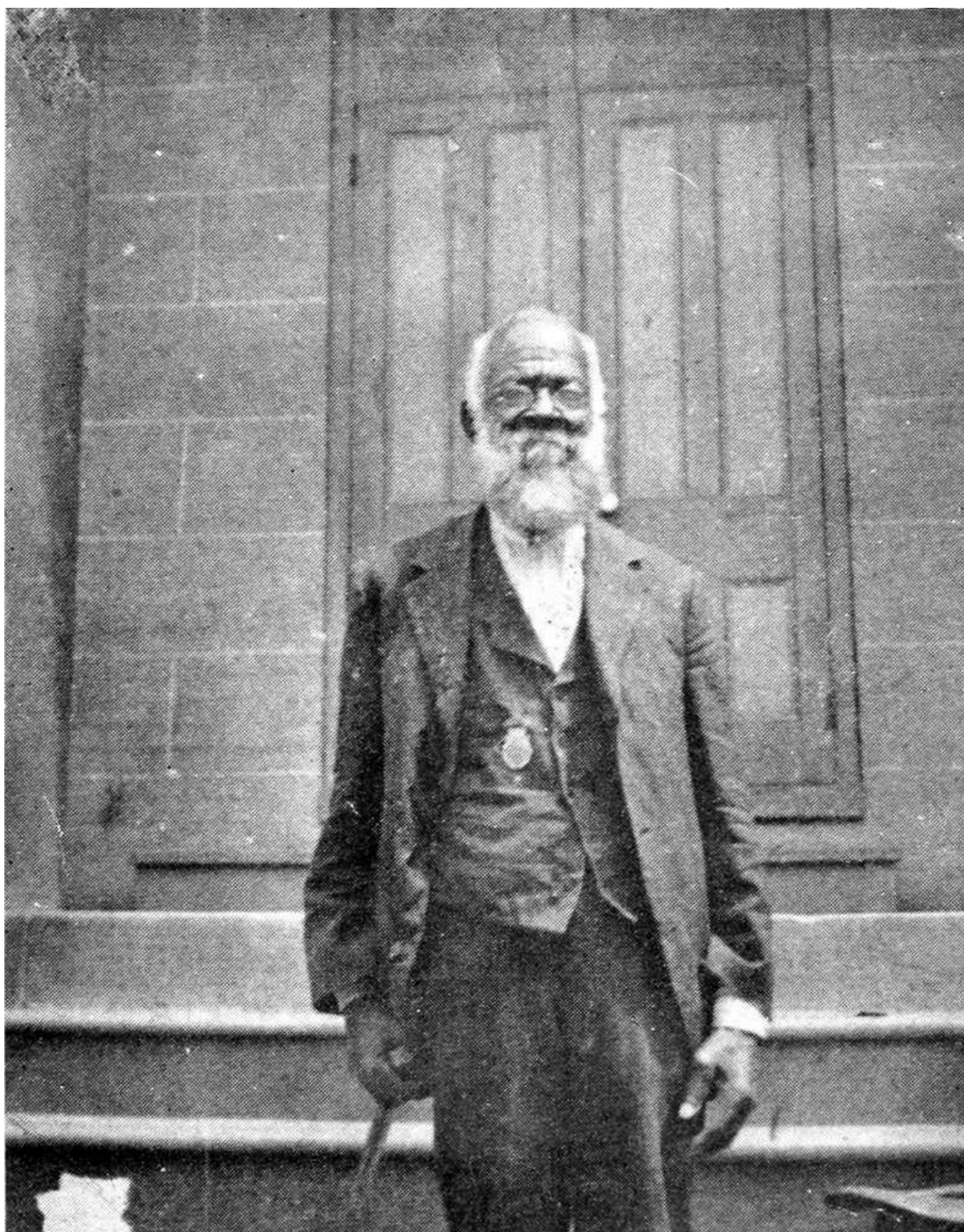
Дата выхода: 15 марта 2023 [Электронная книга №70293]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Соединенные Штаты: Методистская епископальная церковь, 1904 г.

Авторские права: Боб Тейлор и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СТАРЫЙ ЮГ " ***

ДЯДЯ ДЖЕФФ ШИЛДС, ЛЕКСИНГТОН, ВИРДЖИНИЯ.

THE
OLD SOUTH
A Monograph

BY
H. M. HAMILL, D.D.

Smith & Lamar, Agents, Publishing House of the
· · · Methodist Episcopal Church, South · · ·
Dallas, Texas · · · Nashville, Tennessee

СТАРЫЙ ЮГ

Монография

АВТОР Х. М. ХЭМИЛЛ, Д.Д.

Смит и Ламар, Агенты издательства · · · Методистской епископальной церкви, Южный · · ·
Даллас, Техас · · · Нэшвилл, Теннесси

Тема этой небольшой книги впервые была сформулирована в обращении к студентам колледжа Эмори, Оксфорд, Джорджия, в июне 1904 года. Если и нужны извинения за то, что я напечатал это, то автор находит их в просьбе пожилой женщины, которой сейчас восемьдесят шесть лет, истинной дочери Старого Юга, самое легкое желание которой было законом его жизни более пятидесяти лет.

СТАРЫЙ ЮГ.

Моя тема - "Старый Юг". У меня нет извинений перед теми, кто может посчитать ее устаревшей. Начать мне мешают воспоминания о других писателях и ораторах, которые обращались со своей темой более достойно, чем я могу надеяться. Старый Юг не испытывал недостатка в людях, которые говорили и писали бы о нем. Этим пользовались как друзья, так и враги. Это было бремя поэзии, не всегда вдохновляющей, и ораторского искусства, не всегда вдохновляющего. Немало было ее критиков, которые знали о ней только понаслышке. Действительно, большая часть современной литературы о Старом Юге написана теми, кто

родился после того, как его не стало. Я не нахожу вины ни в ком, кто так написал или высказался, независимо от того, достойно это было или недостойно, если только это было сделано по доброте. Если над пылью Старого Юга, рассуждая о его добродетелях или пороках, кто-то обошелся великодушно с одним и справедливо с другим, я доволен, хотя похвала или порицание, возможно, не всегда были высказаны мудро.

Я родился на Старом Юге. В шестнадцать лет, прослужив год под началом генерала Ли, я получил условно-досрочное освобождение в Аппоматоксе и отправился домой, чтобы посмотреть на руины Старого Юга. Всем, что есть во мне хорошего или злого, я обязан главным образом этому Старому Югу. Привычки, мотивы, идеалы, честолюбие, страсти и предубеждения, любовь и ненависть сформировались в нем и благодаря ему. Работа моей жизни как мужчины была совершена в условиях так называемого Нового Юга, но вдохновение и устремление к этому пришли со Старого Юга. Чары, наложенные им на мое детство, сильны во мне по прошествии более чем одного поколения. Это не чары очарования. Это не заслонило от меня ни плохих, ни хороших качеств, и по прошествии полувека, несмотря на растущую с годами нежность к нему, я думаю, что могу видеть и судить о Старом Юге и давать о нем отчет более беспристрастно, чем тот, кто получил его из вторых рук.

Старый Юг сам по себе и независимо от всех других соображений всегда будет интересным объектом для изучения. Это единственная уникальная страница нашей национальной истории. Действительно, она охватывает двести пятьдесят лет истории, почти не имея параллелей. Я думаю, что тщетно будут искать в истории, древней или современной, сходство со Старым Югом в социальном, интеллектуальном, политическом или религиозном плане. Я не удивляюсь, что романтик, поэт, историк и философ черпали из этого материал и вдохновение. На самом деле, за последнее десятилетие появилось больше литературы о Старом Юге, чем за все предшествующее поколение. Его тело разлагается в земле, но душа продолжает маршировать. В чем именно она была уникальна?

Начнем с того, что семена американской свободы были впервые посеяны скорее на Юге, чем на Севере. Джеймстаун, а не Плимут-Рок, был матрицей истинного американизма. Поэт и оратор много рассказывали о скалистых берегах и дикой природе, к которым пришли отцы-пуритане, и мало что могли сказать о Кавалерах, проложивших себе путь к победе над дикими животными и людьми. Уинтроп, Стэндиш и Коттон Мазер представлены провинциальными писателями и ораторами-партизанами как исключительные национальные образцы пионерского мужества, мудрости и героизма. Я прочел не одну насмешку в предполагаемых национальных историях в адрес “джентльменов Джеймстауна”, о которых говорилось, что там было “одиннадцать рабочих и тридцать пять джентльменов”. Но историки, которые иронизируют, не замечают, что те же самые джентльмены срубили больше деревьев и выполнили более тяжелую работу, чем люди с топором и киркой. Долгое время после того, как Джеймстаун превратился в воспоминание, я видел потомков тех же самых осмеянных джентльменов в армии Северной Вирджинии, обладателей унаследованного богатства и воспитанных в роскоши с пеленок, которые, тем не менее, трудились в окопах, или топали по пыльному шоссе, или бросались под дул пушек с неизменной бодростью.

Я не принижаю суровую честность и высокие достижения предков-пуритан. Я с радостью отдаю им высокое место среди отцов и основателей республики. Но, поставив Пуританина и Кавалера рядом, справедливо оценив каждого по его реальной ценности и по тому, что он сделал, чтобы навсегда закрепить качества, которые сделали нас великими, я уверен, что смог бы обосновать свое предположение что в основе нашего величия как народа глубже, чем все другие факторы, лежат качества и дух, отличавшие Кавалера в Старом или Новом Свете.

ТЕТЯ ХАННА.

Разве не на Старом Юге, например, было произнесено первое слово, которое воспламенило сердца колонистов и указало путь к свободе от тирании Британии? Позже, когда все сердца на атлантическом побережье горели надеждой на свободу, разве не один из выходцев со Старого Юга председательствовал на судьбоносном Конгрессе, который окончательно порвал с метрополией? И разве другой выходец со Старого Юга не сформулировал бессмертную декларацию национальной независимости? И когда началась тяжелая борьба за свободу, именно со Старого Юга был призван генерал, чтобы привести оборванных жителей Континента к победе. Следите за ходом этой революционной войны, и вы увидите, что в ее самые мрачные дни свет надежды и мужества нигде не горел так ярко, как на Старом Юге.

Между последним выстрелом Революции и первым выстрелом по Самтеру в 1861 году прошло семьдесят два года и пятнадцать президентов. Девять из пятнадцати президентов и пятьдесят из семидесяти двух лет - заслуга государственной мудрости Старого Юга. То, что Вашингтон сделал мечом для молодой республики, верховного судьи Вирджинии Маршалла, навсегда закреплено мудростью великого юриста. После него последовала длинная череда достойных преемников со Старого Юга в лице судей, вице-президентов, членов кабинета министров, офицеров армии и флота, которые были призваны служить на высоких постах в правительстве. Дело в том, что какое бы уникальное качество величия и славы ни пришло к республике более чем через полвека после ее основания, это было в значительной степени благодаря мудрости южных государственных деятелей. Я знаю, трудно поверить такому утверждению о доминирующем влиянии на раннем этапе нашей национальной истории, теперь, когда прошло почти пятьдесят лет с тех пор, как подлинный сын Юга стоял у руля государственного корабля.

Как с государственной мудростью, так и с военным руководством Старого Юга. Военный гений был одним из дарований сынов Юга с самого начала, и не только как бойцов с отвагой, которая покорила бы сердце Нея, но и как прирожденных командиров, тактиков и стратегов. В двух великих войнах республики Великобритания и Мексика смогли ощутить мастерство и мужество южного генерала и стрелка. В Гражданской войне — величайшей из современных и в некоторых отношениях величайшей из всех времен — великие генералы, которые командовали, а также президенты, которые назначали их, родились на южной земле и принесли на свои высокие посты дух Старого Юга. В распространении республики от морского побережья до великой центральной долины и далее до гор и Тихого океана лидировали южные полководцы и государственная мудрость. Покупка Луизианы, аннексия Техаса и Юго-Запада были задуманы и осуществлены в основном южанами.

Таким образом, на протяжении более пятидесяти лет становления нашей истории Старый Юг был доминирующей силой в стране, как это было при основании колоний, из которых вышла республика, а позже при ведении сражений за независимость и формировании политики своего правительства. И я беру на себя смелость подтвердить, что какую бы силу или стройность республика ни приобрела дома, какой бы репутации она ни добилась за рубежом в те первые решающие годы своей истории, они были в значительной степени обязаны патриотизму и способностям южан управлять государством. Почему этот скипетр лидерства перешел из рук в руки или почему Новый Юг больше не стоит во главе национального руководства, - это вопрос, который вполне может заставить задуматься того, кто вспоминает храбрые дни, когда Старый Юг сидел во главе стола и руководил делами нации.

В социальном плане Старый Юг, как и “вся Галлия”, был разделен на три части — плантаторов-рабовладельцев, аристократов социальной системы, относительно малочисленных, но могущественных по богатству и власти; негритянских рабов, которые миллионами пахали и засеивали его поля и собирали урожай, и которые на протяжении сотен лет, как в рабстве, так и на свободе, находили довольные дома на Юге; и, наконец, белые, не являющиеся рабовладельцами, отчетливо выраженное третье сословие.

Неславянские белые Старого Юга были, по сути, *sui generis*. Он действительно был жизненно важной частью уникальной полуфеодальной системы, но, насколько мог, сохранял свою независимость от нее. Он оказался между двух социальных огней. Отсутствие культуры и воспитания, грубая речь и одежда не позволяли ему входить в большой дом плантатора иначе, как в качестве своего рода политического иждивенца или прихвостня. С другой стороны, негры по-разному называли его “бедняками”, “бедным белым отребьем” и, в лучшем случае, “полудурками”. Хотя между ним и хозяином рабов было не так уж много общего, он буквально не имел дел с неграми. Кое-где, если кто-то становился владельцем земли или рабов благодаря необычайному трудолюбию или удачливости, его социальное положение едва ли улучшалось. Он стал подобен дрянным “Новым богатствам” нашего времени, в своем классе.

Существует немало иллюзий относительно этих белых “крекеров”, распространению которых способствовали журналы *fanciful* и авторы диалектов. В течение целого поколения определенные сентименталисты, обладающие больше деньгами, чем мудростью, предпринимали благонамеренные усилия по цивилизовыванию и обращению в христианство тех, кого они с удовольствием называют “белыми горцами”. Из обращений к религиозным конвенциям и от поверхностных авторов, которые уделяли этим белым особое внимание, можно было бы заключить, что они постоянно жили в религиозной темноте и нужде и очень нуждались в иностранном миссионере, чтобы пролить на него сияние своей высшей цивилизации и христианства. Я думаю, что могу сказать, что этот заброшенный и обездоленный южный горец, верный своим древним качествам, встретил этих бурных посетителей и их благожелательность, приоткрыв один глаз и продолжая весело отхаркиваться в дырочки от сучков в соседнем заборе. Мне вспоминается один из репертуара анекдотов епископа Хосса, в каждом из которых есть суть. О таком альпинисте, какого я изображаю, высокоом, худощавом, жилистом, хмуром, “связке стальных пружин и цыплячем ястребе”, турист сатирически осведомился: “Могу я спросить, мой друг, принадлежите ли вы к человеческому роду?” “Нет, клянусь жвачкой, - сказал горец. - Я уроженец Восточного Теннесси”.

На самом деле, мало кто так глубоко проникнут религиозным духом, как те же самые “крекерные” горные белые, хотя это религия скорее Ветхого, чем Нового Завета, с примитивной этикой и доктринами, которых они обычно придерживаются. Даже феодал из Кентукки в некотором роде является ветхозаветным религиозником, который не вышел за рамки идеи “мстителя за кровь” с разрешения Моисея. Грубые, неотесанные, не знающие толка в книгах, какими были и продолжают оставаться в значительной степени белые бедняки Старого Юга, я отдаю им искреннюю личную дань восхищения домоткаными добродетелями, которые отличали их как особенный народ. В течение двух лет я жил в их самых диких горных твердынях, входил и выходил из их грубых хижин, учил их молодежь, преломлял хлеб за их столами и

поклонялся Богу вместе с ними в их бревенчатых молитвенных домах. Таким образом, благодаря личному контакту и знанию я заслужил право с теплотой возмущаться обвинениями, от которых слишком часто страдают белые крекеры, горцы или равнинники. Даже такой выдающийся авторитет, как the New York Advocate, в недавней статье, посвященной этому классу, допустил обычное искажение фактов во всем, что касается проблем Юга.

Об этой грубой фигуре Старого Юга достаточно сказать, что никакое гостеприимство особняка на плантации никогда не затмевало гостеприимства его скромного дома по отношению к человеку, который искал под ним приюта. Если он никогда не прощал обиды, то никогда не забывал отплатить за доброту. Его честность была такова, что бумажник человека обычно был в такой же безопасности на тропе горца или жителя равнин, как и в банковском сейфе. Если у него и не было книг или знаний, то было нечто столь же полезное для его использования, что он умел унаследовать или приобрести, — доморощенное остроумие и проницательность в суждениях о людях и вещах. Будучи религиозным человеком, он черпал свой кодекс и доктрины непосредственно из Библии и слишком часто брал за образец как добро, так и зло в этой книге. Он не видел ничего неуместного в том, чтобы раздавать домашнее виски и помогать на затянувшейся встрече по звонку своего окружного гонщика. Что касается его политики, он следовал за лидерами только потому, что уважал их, и всегда был занозой в теле политического ловкача. Если хозяин рабов был претендентом на должность и обладал как мужественностью, так и деньгами, то белый взломщик легко становился его сторонником. Обычно удерживая баланс сил, он преподавал немало суровых уроков недостойным людям, которые добивались его политической благосклонности. Как правило, белые бедняки были враждебно настроены к рабству; но достаточно странно, что, верные патриотизму и лояльности, которые странным образом формировались в них на протяжении столетий его изолированного существования, когда армии Севера начали свои вторжения на Юг, те же самые белые десятками и сотнями тысяч надели серое и встали в строй под командованием владельцев плантаций и рабовладельцев. Если среди них и была когда-либо в ходу такая пословица, как “война богача, а борьба бедняка”, то я не слышал ее из уст бравых парней из бревенчатых хижин, которые стали знаменитыми бойцами Конфедерации. Над их скромными, иногда одинокими и неухоженными могилами я бы с любовью начертал ту изысканно-патетическую эпитафию, которую можно прочесть на памятнике Конфедерации в Южной Каролине, посвященном особенно мужчинам, которым не за что было сражаться или умереть, кроме патриотизма и чести:

СЭМ ДЭВИС.

Этот памятник увековечивает память тех, кто, верный инстинктам своего рождения, верный учению своих отцов, неизменный в своей любви к государству, погиб при исполнении своего долга; кто прославил павшее дело простой мужественностью своей жизни, терпеливым переносом страданий и героизмом смерти; и кто в мрачные часы заключения и безнадежности госпиталя, в короткой, острой агонии на поле боя находил поддержку и утешение в вере, что дома о них не забудут.

Между негром и его хозяином вообще всегда существовало чувство взаимного уважения и доверия. Если бы я мог почерпнуть из Старого Юга его самые красивые и причудливые

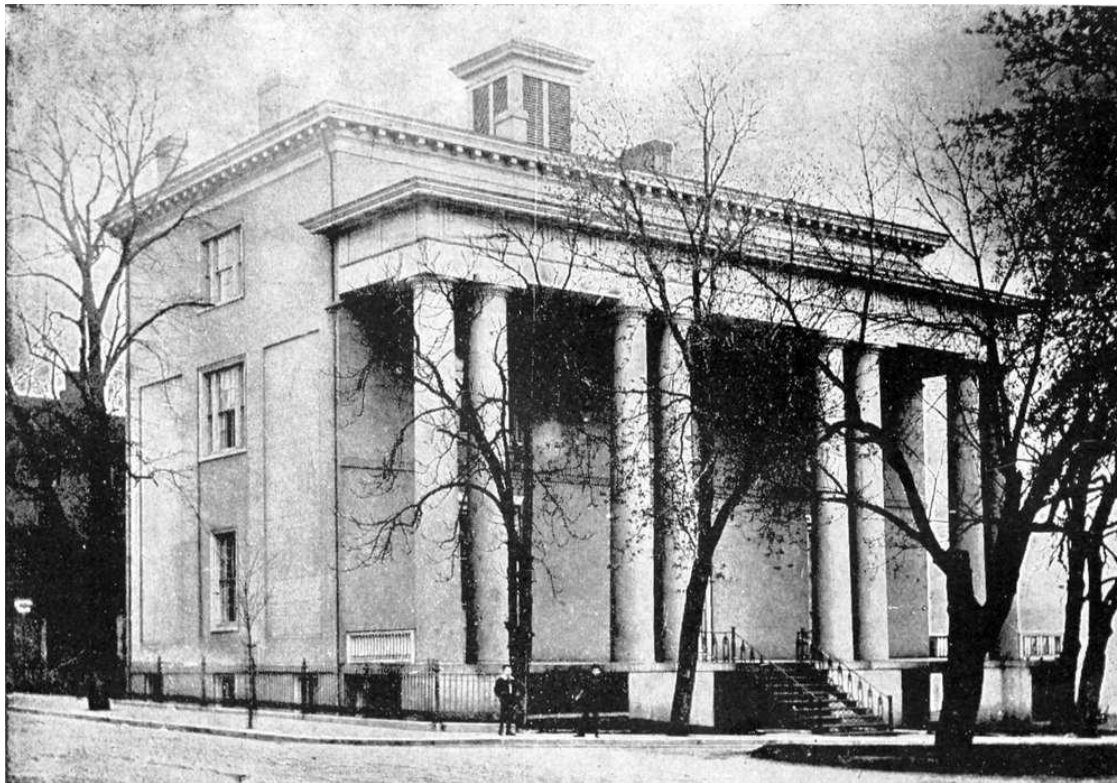
представления и происшествия, я бы не нашел ни одно из них столь наполненным пафосом и интересом, как продолжительная и все углубляющаяся привязанность, которая часто, даже, я бы сказал, обычно, связывала белого господина и черного раба. Ни бедность, ни разорение, ни изменившиеся условия, ни разрушение всех порядков, социальных и политических, не смогли разорвать эти узы верности и любви; и теперь, спустя столько времени после наступления периода предоставления избирательных прав, если бы я хотел получить конкретные доказательства исключительной красоты социальной системы Старого Юга, я бы призвал в свидетели эти сохранившиеся реликвии довоенного порядка — “старую массу” и старого негра. Пока не ушли последние представители той эпохи, я был бы рад внести свой вклад в создание какого-нибудь подобного памятника, предложенного бывшим губернатором Тейлором, — троицы фигур, которые будут вырезаны из цельного куска южного мрамора, состоящего из придворного старого плантатора, высокородного и кроткого лицом и манерами; “дядюшки” с плантации, двойника хозяина из черного дерева, которому так преданно служили и которому подражали; и широкогрудой чернокожей “мамушки” в разноцветном тюрбане, безупречном фартуке и с сияющим лицом, друга и помощницы каждого живого существа в хижине или на ферме. особняк.

Я хотел бы, чтобы у меня были силы ярко и по-настоящему представить вам странную и прекрасную социальную жизнь Старого Юга. Это был аркадский стиль в своей простоте и почти идеальный по своим условиям. Это было воспроизведение самых пальмовых дней и лучших черт феодализма, с небольшим количеством зла, присущего этой системе. Я знаю, что мне противостоит множество критиков и очернителей так называемой “рабовладельческой демократии” или “олигархии” Старого Юга. Я часто читал и слышал о его деспотизме и жестокости от тех, кто не знал или не намеревался быть правдивым или справедливым. Война, которая покончила с рабством и рабовладельцем, была вдохновлена таким искажением фактов. “Хижина дяди Тома” была музеем варварства, изображавшим обычную жизнь Старого Юга, смесью блестящей и жестокой лжи. Я не защищаю феодальное подчинение многих немногим, и я не друг касты. И все же я напрасно читал историю и мало изучал человеческий прогресс, если бы я вместе с другими не обнаружил, что истинное развитие общества, стабильность правительства, сохранение прав всех классов в значительной степени зависят от социальной системы, в которой один малочисленный, способный и добросовестный класс управляет другими классами. Чистая демократия - мечта идеалиста, и она была бы невыгодна даже в новом тысячелетии. Люди, которые владеют землями страны, ее деньгами, кораблями и торговлей, которые поддерживают традиции прошлого и прослеживают свою кровь до истоков существования страны, — они неизбежно станут лидерами и правителями страны. Итак, на Старом Юге была своя аристократия, лидеры которой смеялись над доктриной равенства, провозглашаемой сентименталистами дома и за рубежом.

Эта Старая южная аристократия имела тройственную структуру — это была аристократия богатства, крови и чести. Дело было не в богатстве низкопробной аристократии, которая кое-где, даже на Новом Юге, привлекла к себе внимание и вульгарно выставляет напоказ свои приобретения. В основном это передавалось по наследству от поколения к поколению, как у знати Англии и Франции. Только в аристократии Старого Света можно было найти аналог роскоши, легкости и изящества унаследованного богатства, которые характеризовали правящий класс Старого Юга. Тогда не было таких гигантских состояний, как сейчас, и богатство не увеличивалось и не уменьшалось за счет наших современных методов спекуляции или расточительной и тошнотворной показухи. Владение обширной плантацией,

величественными загородными и городскими домами, сотнями рабов, накоплениями денег и облигаций переходило от отца к детям на протяжении последующих поколений. Любая связность, которую мог позволить закон, связывала такие огромные состояния воедино, так что расточительность или перемены могли в наименьшей степени повлиять на них. Тут и там особняки старой южной аристократии стоят в живописных и меланхолических руинах, напоминая о великолепии и роскоши довоенных плантаторов. Несколько месяцев назад я смотрел на частично разобранные колонны некогда благородного дома Старого Юга, вокруг которого густо сгрудились воспоминания о великом имени и семье, которые на протяжении поколений пользовались уважением Юга. Ребенком я видел просторный особняк в дни его расцвета, как Мекку политических лидеров, которые приходили посоветоваться с его знатным владельцем, или как центр гостеприимства, которое никогда не прекращалось, пока не пришел конец богатству вместе с опустошениями войны. Модное стекло и безупречная форма сделали его известным как социальный магнит. В те старые времена его прекрасно ухоженные лужайки, его пышный кустарник, его первозданный парк из гигантских дубов, его изумительный цветочный сад, его огромные фруктовые сады, его длинные ряды побеленных негритянских домиков, его конюшни, сверкающие экипажи, чистокровные лошади и собаки, армия негров на его полях, родная мелодия их песен, доносящаяся издалека, скрежет тростника или шелушения хлопка, обутый в мягкую обувь корпус обученных слуг вокруг особняка, смешение ярких красок бесчисленных посетителей, блеск подстриженных кустарников, стекло и серебро, роскошь всего, что могло соблазнить глаз или вкус, были похожи скорее на картину со сцен великолепия Старого Света, чем на молодую западную республику. Когда я смотрел и размышлял над этими руинами давно известного дома, вся его слава исчезла, его свет и смех потускнели и смолкли, я отдал дань уважения богатой аристократии, действительно любящей удовольствия, с присущими наследственному сословию недостатками, но которая, свободно принимая, свободно отдавала свое изобилие с гостеприимством, затмевающим любой народ, который знал мир.

Порте Крайон в журнале Harper's Magazine задолго до войны и Томас Нельсон Пейдж в более поздние дни в своих эссе карандашом и ручкой описали очарование этого замечательного гостеприимства и домашней жизни Старого Юга. Я видел это в последний раз. С моим условно-досрочным освобождением в кармане, возвращаясь домой через Виргинию с другими конфедератами, голодные и с разбитыми ногами, мы свернули с проторенной армией дороги к просторному особняку на вершине холма, под крыльцом которого сидел одинокий старик, единственное живое существо, которое мы могли разглядеть. Когда мы попросили хлеба, он на минутку отлучился, сославшись на то, что семья и слуги ушли и что он должен выполнить нашу просьбу. Вскоре он вернулся с огромным блюдом хлеба и мяса, извинившись за столь малое разнообразие в меню. Когда мы поели так, как могли есть только солдаты Конфедерации, и насытились, мы взяли несколько монет из нашего маленького запаса и протянули ему в качестве платы. Я никогда не смогу забыть крупные слезы, навернувшиеся на глаза старожилы Вирджинии, и румянец на его щеках, когда он сказал: "Нет, ребята, это последний кусочек еды, который враг оставил мне. Не осталось ни единого живого существа или атома пищи, но в обеих армиях недостаточно денег, чтобы искушать мою бедность. Я поддерживал это до тех пор, пока у меня было что отдать".

БЕЛЫЙ ДОМ КОНФЕДЕРАЦИИ.

Под всем этим богатством плодородных полей, смуглых работников и роскошных домов скрывалось нечто, чем южанин старых времен гордился больше, чем материальным богатством. Аристократия его богатства была ничем по сравнению с аристократией крови. Старинное семейное имя, которое на протяжении поколений занимало свое место в социальных и политических анналах его штата, было наследием, которое было для него гораздо дороже богатства. Возвращаясь к благородным Кавалерам, которые основали этот западный мир, он с удовольствием прослеживал свою родословную. Для него не могло быть большей чести, чем связать свое имя с людьми, которые посадили дерево свободы и сделали возможной великую республику. Какие бы почести ни завоевывали его предки на поле боя или форуме, какими бы общественно важными должностями они ни удостаивались, он был начеку и никогда не уставал репетировать. Я не испытываю ничего, кроме нежности к этой давней слабости южанина, если это можно назвать слабостью. Прославлять свою кровь на протяжении прошлых веков, если только она оставалась чистой, гордиться связью своего имени и славы с историей своей страны, становиться мягче, правдивее и более уважающим себя благодаря добродетелям длинной линии предков, которые возвысили фамилию до заслуженного величия, - писателю казалось благородным чувством. Я знаю, как глупцы высмеивали это, и как глупые люди на Юге иногда презирали это; но я с гордостью и благодарностью за Старый Юг называю одной из его отличительных черт эту преданность памяти и традициям своих предков. Если кое-где передача крови превращалась в привычку или постыдный поступок, это случалось так редко, что более смелым противопоставлялось аристократию благородных кровей. "Кровь покажет". Я помню, как мальчишкой восхищенно и в то же время немного с завистью наблюдал за грациозными, а иногда и безрассудными военными маневрами сотни или более молодых людей, которые устраивали праздник в военном искусстве. Подтянутые, опрятные, элегантные молодые люди, одетые в алое и золотое, были отпрысками великих семей. Я помню, как,

наблюдая за ними, я задавался вопросом, сохранят ли они тот же напор и блеск, которые отличали их как солдат торжественного дня, в буре битвы, которая готовилась обрушиться на нас. У меня был ответ. Однажды в Виргинии военная судьба столкнула мой полк с их полком. Блеск, золото и алый мундир потускнели; но веселый смех, бесцеремонный порыв, никогда не покидавшая их отвага все еще были с ними, когда они бросились в отчаянную атаку, напевая одну из своих старых кадетских песен так легко, как насмешливая птичья трель.

Если кому-то следует искать секрет той исключительной храбрости, того высочайшего презрения к боли и лишениям и безразличия к смерти, которые отличали наших солдат-южан и вызывали восхищение их врагов, я думаю, что он будет найден в основном в стремлении молодого поколения достойно идти по стопам своих отцов. Однородный по своему гражданству, с годами мало меняющий свои обычаи, медленно впитывающий дух других стран и других частей нашей собственной страны, верный своим идеалам и всегда сам себе закон, ни в одной стране на земле доброе имя и фамильное отличие не ценились так высоко и могущественны, как на Старом Юге.

С этой аристократией богатства и крови неразрывно была связана та, которая, по моему мнению, была сильнее любой из них и которая простиралась дальше линий тех, кто родился в пурпуре богатства или в гордости за великое имя. Я не знаю лучшего названия, чем это — аристократия чести. Гордясь своими знатными домами и руководящими должностями, а также хвастаясь своим высоким происхождением, аристократы Старого Юга, верные рыцарским традициям, создали этическую систему, которая определяла и регулировала личные и общественные вопросы и стала непреклонным кодексом поведения каждого джентльмена-южанина. Его основа была заложена в мужской “честь”, а честь джентльмена была высшим испытанием и стандартом любых отношений, общественных и частных. Крайности этого старого этического кодекса южан были проиллюстрированы, с одной стороны, максимой о том, что “слово человека - это его узы”, что означало, что слово чести, однажды данное между людьми, должно быть таким же нерушимым, как сама жизнь. Практически это стало означать, как нынешнее поколение мало знает или ценит, что девятнадцатая бизнеса Старого Юга была простым обещанием заплатить, и что его миллионы из года в год покоились на вере и чести, которые лежали в основе его обширной кредитной системы. Джентльмен со Старого Юга может быть виновен в нескольких грешках. Он мог легко и часто грешить против самого себя, но горе тому человеку, который грешил против других людей, утаивая то, что причиталось и было обещано “по чести”. Лично я знал людей крупного бизнеса, все состояние которых зависело от одного сказанного слова, и которые в тот же миг отдали бы свой последний доллар, чтобы выполнить это “слово чести”. И это не было чем-то исключительным. В кости и плоти каждого мальчишки-южанина старого времени было заложено, что джентльмен должен придерживаться этого слова личной веры и любой ценой комфорта, самоотречения или самопожертвования, даже ценой смерти, он должен отстаивать его. Таков был кодекс чести с деловой стороны.

Была еще одна иллюстрация кодекса более мрачного вида, уже много лет устаревшая. Именно по щелчку пистолета и блеску шпаги в старину нередко определялись тонкости чести. Давным-давно этот “кодекс дуэли” с его сторонниками из “Отчаянной шпоры” ушел в прошлое, и я благодарю Бога за более мягкий дух, который пришел ему на смену. Однако, несмотря на всю его кровь и жестокость, у него было одно достоинство, которое я откровенно признаю. Это вынуждает человека быть осмотрительным в том, что он говорит и делает, или заставляет его

немедленно расплачиваться за свой проступок. Это отличало храброго человека от хулигана и подлеца и выделяло жирным рельефом признаки джентльмена. Я также рад сказать, что во время долгого и злого правления кодекса удовлетворение дуэльных исков деньгами и причинением ущерба в суде не было так популярно, как сейчас. Житель Кентукки, чье окровавленное лицо вызвало вопрос “Что с тобой?”, ответил кодом и карточкой, когда тот ответил: “Я назвал джентльмена лжецом”. Такой джентльмен, который мог бы чеком спасти уязвленную честь своей личности или семьи, был неизвестен или непризнан до войны.

Если кто-то захочет увидеть старого плантатора в его лучшем проявлении, он найдет его таким, каким нарисовали его карандаши Пейджа, Харриса и Хопкинсона Смита — учтивым, добродушным, сердечным, любезным, гордящимся своей семьей, хвастающимся своей родословной, любителем ружей, собак, лошадей и мятного джулепа, несравненным собеседником в обществе благовоспитанных леди и джентльменов, такой уникальной и выдающейся фигурой, какая когда-либо украшала бал или банкетный зал, политический форум или поле почета. Его раса скоро вымрет, и только добрый голос и перо тех, кто знал его и любил, несмотря на его слабости, действительно увековечат его память. В течение двухсот с лишним лет он был заметной и непревзойденной фигурой на социальной и политической сцене нашей истории. Добро, которое он совершил, живет после него; пусть зло будет погребено вместе с его костями!

Бок о бок с аристократом, почтительно ожидающим исполнения его приказаний, с изяществом и учтивостью, едва ли превзойденными его хозяином, я ставлю слугу-негра со Старого Юга. Если одна фигура была уникальной, то и другая не менее. Любая фигура в проходящей толпе быстро привлекла бы ваше внимание. Я откровенно признаюсь в нежных чувствах к этим верным чернокожим слугам Старого Юга — “дяде Ремусу” и “тете Хлои” из картин и поэзии. На огромных плантациях, среди их живописных красок, в постоянном смехе и добродушии, хорошо накормленный и одетый, в целом ухоженный и умеренно трудившийся, негр-раб жил своей беззаботной, бессердечной жизнью. Призрак голода и нужды никогда не беспокоил его. Он не заботился о своей хижине, одежде, еде, саде, карманных деньгах и отпусках. Думаю, я говорю правду, когда говорю, что у миллионов рабов Старого Юга было меньше душевных страданий, чем когда-либо у какой-либо другой расы людей. Свобода может быть неоценимым благом. Я знаю, что так заявил поэт и оратор. Но когда я смотрю на измученные заботами лица оставшихся негров-старожилов, которые на протяжении целого поколения испытывали свободу и обнаружили, что она полна душевной боли и беспокойства, я возражаю против столь хваленой доктрины свободы как панацеи от всех человеческих бед. Старый негр с седой головой, шаркающий ногами и затравленным взглядом остановился на днях у дверей моей конторы и, как в старые добрые времена, держа в руке кепку, спросил: “Не может ли масса дать старому негру десять центов?” Что-то в моем голосе или манерах, должно быть, подсказало ему, что я, как и он, принадлежу к старому порядку, поскольку он сказал: “Для некоторых людей это нормально, то, что они называют свободой; но Бог свидетель, я был бы рад еще раз увидеть старые времена перед смертью”. Свобода для него и ему подобных оказалась обманом и ловушкой. У меня нет ни слова извинения или в защиту рабства. Давным-давно я благодарил Бога за то, что одному человеку больше не разрешается держать другого в принудительном рабстве. Но поколение или более свободных негров было нашим самым знакомым наглядным

уроком, и результат в лучшем случае болезненный. Негр, который сегодня пользуется уважением на Юге, как правило, - это негр, родившийся и обученный в условиях рабства. Новое поколение, те, кто не знал ничего, кроме свободы, - это, мягко говоря, неудовлетворительная группа людей в целом. Всякий раз, когда вы находите негра, чье образование основано не только на книгах и колледже, но и на примере и домашнем обучении его белого хозяина и хозяйки, вы, как правило, находите того, кто говорит правду, честен, уважает себя и сдерживает себя, послушен и благоговейный, и всегда является другом белого джентльмена и леди с Юга. То тут, то там в домах Нового Юга можно встретить выпускников школы рабства, которые служат старым семьям и их потомкам, и отношения между ними отличаются особым доверием и привязанностью; и этот чернокожий в старые времена, где бы вы ни встретили его в его целостности, гордости и трудолюбии, резко контрастирует с негром после войны, несмотря на его возможности получить образование. Живя в городе, известном своими негритянскими школами, я пытался беспристрастно наблюдать за процессами и результатами негритянского образования и даже с сильным пристрастием в их пользу. Сын аболициониста школы Генри Клея, я искренне хотел видеть, как негр преуспевает в образовании и занимает свое место среди других мужчин в мастерстве и служении. Если какой-либо город Юга должен быть первым, кто подтвердит пригодность негра к образованию и его повышение ценности и характера как субъекта этого образования, я подумал, что было бы справедливо ожидать этого от города, известного своими цветными университетами. Но, за почетными исключениями из правил, негр послевоенного рождения и образования в этом городе обычно является занозой в теле для того, кто ищет или использует его услуги, какими бы они ни были. "Нам больше не нужно работать, " сказал недавно один из них. - мы получаем образование". И все же, когда на днях скончался один из смуглых патриархов Старого Юга, ведущая ежедневная газета в нежной и красивой редакционной статье отметила, как этот цветной джентльмен старой школы после долгой жизни, полной чести и доверия, с сотнями тысяч долларов, прошедших через его руки в качестве доверенного лица, завоевал уважение всех людей чистым благородством своей жизни.

ПАМЯТНИК КОНФЕДЕРАЦИИ.

Возможно, воспитания рук, ног и глаз — схем ручного обучения Букера Вашингтона и других подобных негритянских педагогов — может быть достаточно, чтобы предотвратить вырождение молодой негритянской расы. Проблема, однако, в том, что многие из них не в восторге от тяжелой и постоянной работы. Они отворачиваются от топора, пилы и плуга, которые белый человек предлагает им вместе с солидным жалованьем, и предпочитают негритянский бар и стол для игры в кости. По прошествии сорока лет и миллионов денег, потраченных белыми как с Севера, так и с Юга в попытке обучить его для прибыльной службы, негры практически делятся на два класса: большой класс, сосредоточенный в городах и поселках, слишком часто презирующий работу и уклоняющийся от нее, за исключением случаев, когда к ней вынуждает явная необходимость; другой класс, состоящий из тех, кто не стыдится какой-либо работы в поле, на фабрике или в магазине, важно то, что те, кто хочет работать и делает это, обычно негры с небольшим образованием или вообще без образования, в то время как те, кто избегает работы в поле, на фабрике или в магазине, рабочие обычно принадлежат к так называемому образованному классу.

Меня не удивляет неспособность светского образования негра сделать из него хорошего и прибыльного гражданина. Это всего лишь еще одна иллюстрация глупости попыток обострить интеллект и оставить нетренированными сердце и совесть. Старый Юг посредством контактов, примера и наставлений вселял в своих рабов совесть и чувство правильной и достойной жизни. Новый Юг в значительной степени снабжает их книгами. Негр Старого Юга был религиозен, по-настоящему религиозен, хотя в силу своей эмоциональной природы его религия часто была делом чувств. Но ту религию, которая у него была, он получил от белых учителей и проповедников, и она была реальной и соответствовала Писанию. Это обязывало его говорить правду, не лгать, быть трезвым и честным и никому не причинять зла. О том, насколько хорошо негры усвоили и практиковали эту старомодную религию рабства, свидетельствуют два факта. Во-первых, немногие негры, обученные таким образом на Старом Юге, насколько известно говорящему, пострадали от веревки или хвороста за безымянное преступление, которым так часто были отмечены негры Нового Юга. Если и есть исключения из этого правила, то, конечно, они чрезвычайно редки. Во-вторых, в то время, когда каждый белый мужчина и даже белые мальчики были на фронте, сражаясь в битвах Конфедерации, негритянские рабы преданно заботились о женах, матерях и детях солдат в такой степени, какой не было в мировой истории. Честь и совесть негритянских рабов были таковы, что они присматривали за беспомощными женщинами и детьми тех, кто был вовлечен в конфликт, связанный с их собственным рабством.

Что негру нужно больше, чем книги и учебная программа колледжа, так это совесть. Ему нужна религия подлинного, преобразующего типа, которая остановит его мелкое воровство, безделье на углу улицы и его склонность к варварству, от которого на Старом Юге религия избавила его отцов. Я думаю, пришло время, когда наши белые церкви Юга должны снова обратиться к неграм и, насколько это возможно, помочь им познать чистую и незапятнанную религию по примеру такого служения, как у Кейперса и Эндрю рабам. Если я и нахожу какую-то ошибку в наших отношениях с неграми, так это в том, что мы слишком легко согласились с тем, что моральные и религиозные интересы негров были отобраны у нас после войны сентименталистами или теми, чьи труды среди негров были вдохновлены политическими, а не подлинно благожелательными мотивами. Когда политика перестанет быть союзником негра, и благосклонности Белого дома не позволят вскружить ему голову, у меня есть некоторая

надежда, что белые южане и негры смогут объединиться в мире и взаимной привязанности под властью Евангелия Иисуса Христа, и после отчуждения более чем на одно поколение смогут снова вернуться к старому порядку религиозного обучения, который белые отцы Старого Юга так ревностно стремились дать и который черные слуги так стремились получить. Когда несколько недель назад молодой пастор пришел ко мне, спрашивая мнения по поводу того факта, что в ответ на просьбу десятка или более находящихся на его попечении негритянских семей, лишенных церкви и других религиозных учреждений, он и его жена отдали своих детей в воскресную школу, а учителя его школы для белых каждую субботу давали им верные и разумные наставления, я увидел в этом инциденте намек на то, что должен сделать Новый Юг, если это восстановит утраченную негритянскую совесть Старого Юга.

Я не могу отмахнуться от этого мимолетного взгляда на социальную жизнь Старого Юга без чувства постоянного сожаления о том, что она ушла навсегда. Мой последний личный контакт с ним произошел на Рождество, незадолго до войны. Хотя воздух был полон слухов о надвигающейся междоусобице, ни одно орудие пока не нарушило тишины на земле, столь полной мира и процветания. Я думаю, что веселье на тех последних каникулах 61-го года было больше, чем когда-либо прежде. Я помню это тем более отчетливо, что это было последнее старомодное Рождество в моем детстве, как и последнее, которое пришло на Старый Юг. В течение нескольких недель, предшествовавших этому событию, все на старой плантации было наполнено суетой и приготовлениями. Падуб, омела и кедр были расставлены по комнатам большого дома, чтобы поприветствовать мальчиков и девочек из школы. Проводились тайные советы относительно рождественских подарков, которые должны были быть преподнесены всем, как белым, так и черным. Задний двор был завален дубом и гикори, чтобы рождественские ночи были светлыми и теплыми. Негритянки-швеи были заняты изготовлением новых костюмов и платьев для всех слуг. Хозяин плантации подводил итоги года и готовился к щедрым переводам на свои наличные деньги. Нарастающий шорох возбуждения и счастья пробежал от седовласых дедушки и матери до самого маленького пиканини в самой отдаленной негритянской хижине. Мир и благодать Божья, казалось, витали над всем этим. Величественный дом на плантации с его высокими белыми колоннами, большими комнатами, великолепными каминами был широко открыт для всех сыновей, дочерей и внуков, дядей и тетей, племянников и племянниц. Мы вливались в него; и если когда-либо небеса приближались к земле и сливались с ней, я думаю, это был тот сочельник, когда пришел последний странник и изгнанник и за большим столом седовласый патриарх Старого Юга произнес молитву. У маленьких мальчиков и девочек было мало сна, и задолго до того, как над нами засиял рождественский свет, мы сновали из комнаты в комнату, крича: "Рождественский подарок!" - на что, когда бы впервые ни произнес ребенок или иждивенец, мог быть только один любезный ответ. На задних верандах негры, ухмыляясь, ждали, чтобы последовать нашему примеру, и у многих были смуглые лица, которые сияли восторгом от своих неизменных рождественских воспоминаний. Внизу, в каютах и наверху, в больших залах особняка, всю неделю горел свет, и не было ничего съедобного, что не было бы насыщено приготовленными блюдами. Я должен попросить прощения у WCTU, который тогда еще не начал свою благотворную запретительную карьеру, если вспомню большую миску гоголь-моголя, которая лилась рекой ежедневно и щедро подавалась всем. Я знаю, что этот старинный рождественский напиток приобретает дурную славу, чему я искренне рад, но, признаюсь, испытываю своего рода плотское наслаждение, когда вспоминаю, каким приятным он показался обычному маленькому мальчику ранним рождественским утром.

ДЖЕФФЕРСОН ДЭВИС.

Интеллектуально Старый Юг был подходящим дополнением к своей уникальной социальной системе. Против нее часто выдвигалось обвинение в том, что она породила мало великих писателей, если вообще породила, и не оставила неизгладимого впечатления в литературе того времени. Если бы это было правдой, то можно было бы ответить, что Старый Юг был верен своей

особой миссии. Ей нужно было производить великих мыслителей, и она произвела их, о чем свидетельствует полувековой период ее доминирующего руководства. Елизаветинская эпоха с ее кружком великих писателей приходит к любой нации лишь через длительные промежутки времени и при условиях, которые являются скорее провиденциальными, чем человеческими. Южанин, в силу традиций, наследства и выбора, а также благодаря определенному философскому складу ума, который, казалось, был присущ его расе, был приучен ясно мыслить и говорить, особенно по серьезным вопросам общественного значения. Он был прирожденным политиком в лучшем смысле этого часто употребляемого термина. Как и Ганнибал, он рано пришел к алтарям своей страны и посвятил себя служению ей. Он жаждал власти и авторитета трибуны, а не пера. В красоте полей и лесов, яркого ручья и распускающихся цветов, в песнях и солнечном свете или в исторических событиях Старого Юга у него было достаточно вдохновения и материала для пера, если бы он захотел им воспользоваться. Но его честолюбием и наслаждением всегда было выступать перед своими соотечественниками в какой-нибудь важный общественный день и излагать вдоль и поперек какой-нибудь великий аргумент, терпеливо изученный и продуманный в его библиотеке и теперь ставший ярким и вдохновляющим для слушающей толпы. Если бы это было правдой, что на Юге нет великих писателей, я мог бы даже удовлетвориться воспоминанием о том, как, когда один из его блестящих мыслителей и ораторов околдовал культуру старого Бостона, лучший автор передовицы в этом городе писателей на следующее утро поместил над своей передовой статьей вопрос: “Что может быть прекраснее?”

Хотя для Старого Юга было правдой, что представители его ученых профессий обычно развлекались с Музами, особой профессии литератора там не существовало. Профессиональный поэт, историк, автор художественной литературы, издатель и продавец книг были малоизвестны. Сельские жители, относительно немногочисленная аудитория читателей, отсутствие крупных городов, концентрация мысли и знаний на политике и планах правительства, полное отсутствие коммерциализации как мотива для литературного производства - вот причины, по которым Старый Юг сам по себе *вносил сравнительно небольшой вклад* в постоянный запас литературы. Было еще одно препятствие в том факте, о котором я не люблю вспоминать, а именно то, что Юг, по ошибочной широте сердца или близорукости, избрал два пути, которые понизили его самоуважение и затмили то благо, которого он мог бы достичь. С одной стороны, она установила моду читать иностранные книги и покровительствовать им, и считала эти иностранные литературные произведения лучше своих собственных. И наряду с той же ошибочной любовью к зарубежным литературным произведениям, она начала пренебрегать своими собственными испытывающими трудности колледжами и школами и посылать своих сыновей и дочерей в другие страны за культурой, не превосходящей ту, которую можно приобрести у ее собственных дверей.

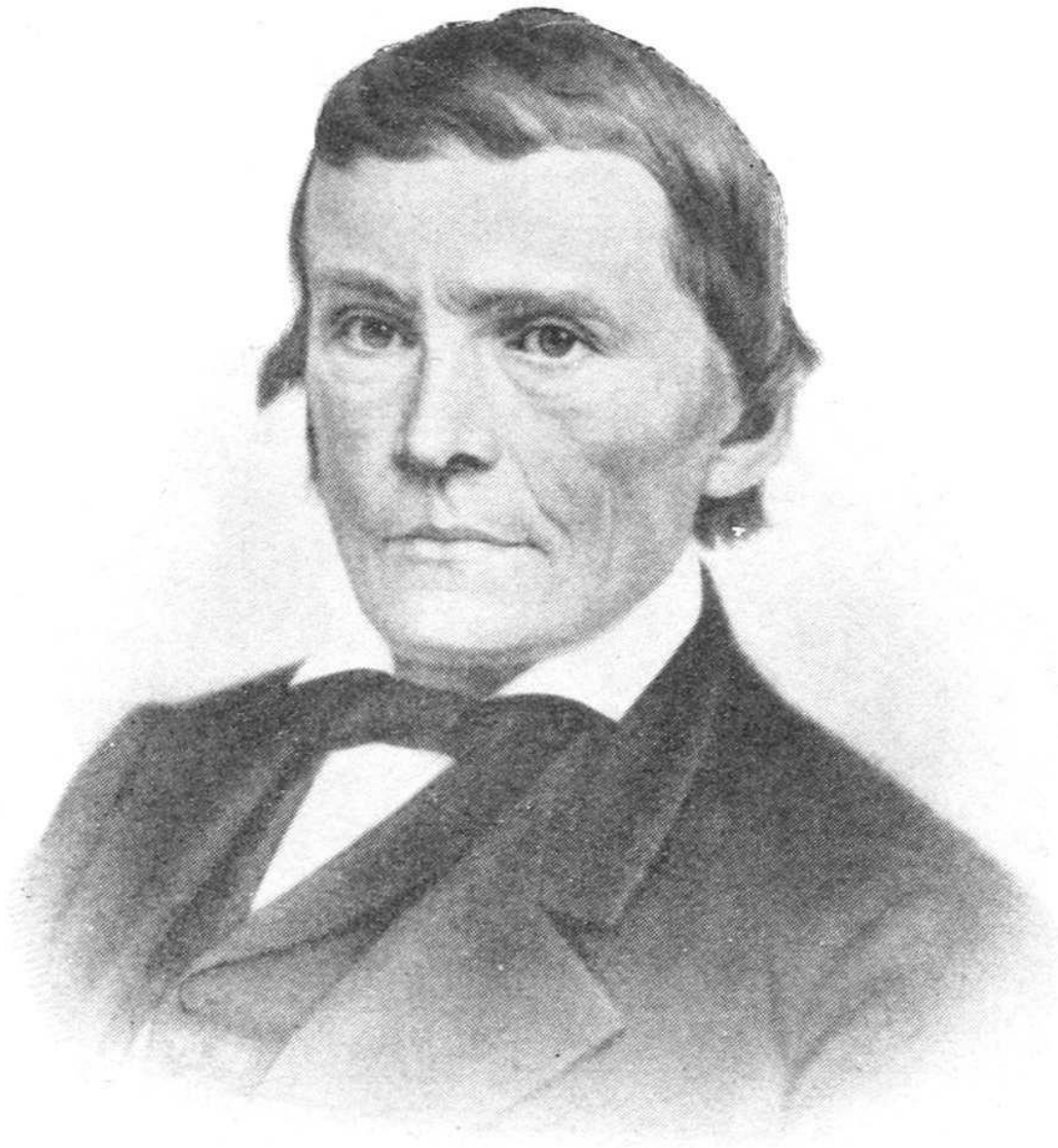
И все же, учитывая такие признанные слабости, пусть никто ни на мгновение не предполагает, что джентльмену Старого Юга в чем-либо не хватало способности писать, думать или говорить, достойной самой высокой культуры. Зайдите в его библиотеку, и вы найдете то, что становится редкостью на Новом Юге, но что было отличительной чертой джентльмена Старого Юга — лучший и самый полный набор дорогостоящих книг по всем предметам, начиная от науки, искусства, литературы, теологии, биографии, истории и политики. Не было опущено ничего, что можно было купить за деньги или выбрать обученным на стипендию. Книги человека были его самыми близкими друзьями и товарищами, и таков был широкий кругозор и терпеливое изучение среднестатистического джентльмена Старого Юга, что остроумцы и знатоки

наперебой отдавали должное его разнообразным научным достижениям. По странному контрасту, на днях один из наших литературных лидеров, обсуждая скудные продажи действительно ценных книг, посетовал на тот факт, что библиотека джентльмена-южанина быстро вымирает.

Одной из особенностей учености, характерной для Старого Юга, была общая и основательная преданность классике и ее мастерство в ней. Я сомневаюсь, что когда-либо молодежь какой-либо страны была так хорошо знакома с литературой греческих и латинских поэтов и историков или так полно и тонко улавливала красоту древних философий и мифологий. Для четырнадцатилетнего мальчика не было чем-то необычным при поступлении на первый курс в колледж старого порядка читать Вергилия и Горация *или ротундос* изяществом и завершением, которые сделали бы честь выпускнику послевоенного образования. Латынь, греческий и высшая математика с небольшим количеством физических наук составляли излюбленную учебную программу старинных академий и колледжей. Невозможно правильно оценить, сколь многим некоторые из нас обязаны этой древней академии и этому маленькому колледжу. Уровень обучения был суровым и тщательным. Дисциплина часто была строгой и взыскательной. Что, например, подумали бы наши нынешние студенты колледжа о правиле, обязывающем их посещать молитву на рассвете круглый год, если она находится в радиусе мили от часовни? Или какая дрожь пробежала бы по их рядам, если бы я сделал паузу, чтобы рассказать им о том, как в нашей старой Академии два десятка студентов классической школы в возрасте от пятнадцати до тридцати лет были обнаружены за уничтожением вывесок городских торговцев в попытке исполнить Священные Писания, которые гласят, что они должны искать вывеску и им не следует давать ни одной, и были жестоко избиты с чрезвычайной грубостью и оперативностью человеком, который много лет руководил государственными школами в передовом городе Юга! Увы, об исчезновении тех добрых старых дней и обычаев, о которых у выживших сохранились трогательные воспоминания! Во-первых, я рад, что бесплатное государственное образование пришло к детям, белым и черным, Нового Юга. Оправдаются надежды государственного деятеля и филантропа или нет, я также рад миллионам денег, которые Новый Юг потратил в прошлом поколении на образование масс. Но времена древних академий и колледжей, как источника и вдохновителя несравненной культуры, никогда не будут превзойдены современными образовательными системами, какими бы широко распространенными и благотворными они ни были. Было что-то чрезвычайно стимулирующее в духе и методах старой классической школы; острая, но щедрая конкуренция в области науки; основательность, достигавшая основы каждого изучаемого предмета; и над всем этим и через все это происходило уверенное развитие чувства чести и гордости за ученость, которые пробуждали даже у скучного студента стремление к успеху. Ко всему этому примешивался пример и влияние высокородных джентльменов-христиан в качестве профессоров и преподавательниц, чья жизнь подкрепляла их учения и формировала из нас образ джентльмена Старого Юга. Утилитарность в образовании еще не проявилась. Аргумент о хлебе с маслом был оставлен для более позднего поколения. Дешевый и безвкусный “бизнес-колледж”, набранный из простодушной деревенской молодежи, стремившейся стать торговыми магнатами и управляющими железной дорогой после шестимесячного курса двойного ввода и молниеносной арифметики, тогда еще не начал свою блестящую карьеру. Мальчиков учили много читать, ясно мыслить, терпеливо анализировать, критически судить, точно и бегло вести дебаты, короче говоря, овладевать любым предметом, с которым они могли столкнуться. Над

этим старинным методом обучения можно было бы написать афоризм Квинтилиана о том, что “знанием является не то, что человек может запомнить, а то, что он не может забыть”.

Мы не были лишены благородных интеллектуальных образцов на нашем Старом Юге. Великие мысли наших доморожденных лидеров, от Патрика Генри до Калхуна и Клея, всегда были перед нами. Наши дебаты в колледже, наши вступительные речи были составлены по строгим классическим образцам, которые оставили нам эти люди. В те дни, когда бы человек ни выступал с трибуны, с партийной трибуны, с кафедры, от него ожидали и требовали, чтобы его речь была целомудренной, его мысли возвышенными, его цель облагораживающей. Признаю, мы были старомодны в теме и методе. Мы стремились не столько понравиться и развлечь, сколько убедить и вдохновить. Форум был таким же священным, как в самые пальмовые дни Афин и Демосфена. Вокруг него были сосредоточены наши главные амбиции. Мы еще не вступили в эпоху вырождения, когда широко эксплуатируемый выпускник колледжа, лицейский преподаватель и “доктор философии” - как я слышал его на днях перед огромной аудиторией университетских молодых джентльменов и леди — мог опуститься до презренного шутовства, выделив “Американскую девушку” в качестве своей темы и включив в свой печатный репертуар такие сюжеты, как “Мелодия, от которой умерла старая корова”, что укрепило некоторых из нас, слушавших его, в убеждении, что Валаамова ослица все еще линейно представлена в способах публичных выступлений и действий.

АЛЕКСАНДР Х. СТИВЕНС.

О великих писателях и ораторах, которые оставили на нас свое впечатление в последние годы Старого Юга, я могу говорить, исходя из личного общения и опыта, и с благодарностью за то, что в детстве мне было дано увидеть большинство из них лицом к лицу и прикоснуться духом к подолу их одежды. Очарование гения Эдгара Аллана По, хотя лихорадочный период его жизни закончился, сказалось на литературе и литераторах того времени. Сверхъестественная красота линий этого принца сил гармонии, так удивительно контрастирующая со странной аналитической силой, которая сделала его одновременно выдающимся прозаиком и поэтом своего столетия, показала нам меру красоты и критерий гениальности. Затем, в наши дни, появились Пол Гамильтон Хейн, Генри Тимрод и Сидни Ланье. Я не могу описать вам чувство сопричастности, которое мы, жители Старого Юга, испытывали к этой троице благородных певцов; я также не могу выразить чувство нежности, которое приходит ко мне, когда я вспоминаю боль и нищету, которые преследовали их большую часть их дней, пока не наступил

конец, по крайней мере для двоих из них, в полной нужде. Мне выпала честь в раннем возрасте подпасть под чары менестрелей этих троих мужчин. Пока стоят красные холмы Джорджии, а ее нависающие сосны колышутся от вздоха южного ветра, пусть это вызывает в почетной и благодарной памяти грузин мягкого, но гордого духом поэта, который, потеряв все, кроме чести и гения в своем родном городе, окруженном морем, пришел в свою грубую хижину в Копс-Хилл усталым паломником, о котором он так нежно поет:

Со сломанным посохом и изодранной обувью,
Я медленно бреду от рассвета до полудня —
С засушливого полудня до покрытого росой,
Бледные сумерки крадутся по всему миру.
И все же иногда сквозь тусклое вечернее затишье
Я ловлю отблеск далеких пальм;
И слышу вдали шум таинственного моря,
Божественный, как волны в Галилее.
Возможно, по тропинкам неизвестным, заброшенным,
Я все еще могу дожить до восточного утра;
Отдохнуть там, где шевелятся пасхальные бризы
Вокруг гроба господня.

Я знаю, какая сейчас мода поклоняться святыням "озерных поэтов", и как Вордсворт, Бернс, Шелли и им подобные певцы Старого Света, а также Лонгфелло, Уиттиер и Лоуэлл из Нового почитаются как величайшие мастера поэзии. Но если гениальность - это качество, а не количество, я возвращаюсь к мрачным дням и воспоминаниям о битвах и с любовью встаю у свежевырытой могилы Тимрода, поэта-лауреата Конфедерации, и вспоминаю то, что, по моему мнению, является стихотворением, которое величайшие из английских и американских поэтов были бы рады признать своим собственным. Вспомните, когда будете читать это, как в своей отчаянной нужде поэт написал о маленькой книжке, частью которой оно является: "Я бы предал забвению каждую ее строчку за сто долларов в руки".

Весна, с этим безымянным пафосом в воздухе
Который пребывает со всеми прекрасными вещами;
Весна с ее золотыми солнцами и серебряными дождями,
Снова с нами.

И все же есть ощущение еще не родившегося цветения

В сладком утреннем воздухе;
Хочется почти увидеть саму улицу
Багровеет у его ног.
Временами доносится ароматный ветерок,
И приносит — ты не знаешь почему —
Ощущение, подобное тому, когда нетерпеливые толпы ждут
Перед дворцовыми воротами
Какое-нибудь чудесное зрелище; и ты едва ли начнешь,
Если из сердца бука
Голубоглазая Дриада, выходя вперед, должна сказать:
“Узри меня! Я - Мэй!”

Сидни Лэньер был уроженцем Старого Юга, хотя слава пришла к нему с Нового. Вполне уместно, что последний из потомков гения Старого Юга стал первым из тех, кому предстояло озолотить его нетленной славой. Родившийся в Джорджии, менее чем за двадцать лет до начала трагедии Старого Юга, написавший свои первые стихи мальчиком в лагере Конфедерации и Федеральной тюрьме, его музыка была пропитана мрачностью того времени, гений Ланье был подобен последнему из южных цветов, которые распускаются как раз перед приходом леденящих морозов и пронизывающего ветра. Это было похоже на ярко-красный цветок войны, который он описывает: “Ранней весной 1861 года расцвел, помимо бесчисленных фиалок и жасминов, странный, огромный и ужасный цветок, кроваво-красный цветок войны, который растет среди раскатов грома”. Почему цена гения всегда должна быть заплачена кровью, я не знаю; но не весь переданный гений, культура и дух Старого Юга, которые выкристаллизовались в этом последнем и величайшем из ее литературных детей, могли избавить Ланье от мук, которые, кажется, особенно призваны испытывать южные гении. Поскольку самые святые и храбрые жизни возникают из тьмы, бури и горя, возможно, только такое крещение слезами и кровью, которое получили мы как народ, могло бы подготовить наших сыновей и дочерей к их высокому призванию.

Ланье, несомненно, был величайшим из поэтов Юга. Возможно, его окончательное место еще предстоит определить среди величайших певцов Америки, но отрадно сознавать, что ясный свет беспристрастного суждения уходящих лет рассеивает сформировавшиеся предрассудки и поднимает певца на все более и более возвышенное место.

Сломленный болью и нищетой, невыразимо жаждущий тишины и покоя, возможности излить свой божественный гений в великой и святой песне, может ли что-нибудь быть более жалким, чем этот страстный крик о помощи, который остался среди его бумаг после его смерти?

Господи, если бы ты был так же нуждающемся, как я,

Если бы ты подошел к моей двери, как я к твоей;

Если бы ты алкал так же сильно, как я

Ибо то, что принадлежит духу,

За то, что прекрасно и благостно,

Ах, друг, за то, что прекрасно и благостно,

Я бы отдал это тебе, если бы у меня была сила.

“В моем сердце поют тысячи песен, - заявляет он, - которые, несомненно, убьют меня, если я не произнесу их в ближайшее время”.

Гений Ланье был многогранен, и нет ни одной строки из написанных им стихов или прозы, которую кто-либо захотел бы перечеркнуть. У него было тонкое чувство мелодии, как у По, но у него было то, чего не было у По, в духе максимы его искусства, которую он часто выражал словами: “Красота святости и святость красоты”. У него тоже были нежность, пафос и лирическая красота Тимрода и Хейнса, но характерной чертой его стихов является то, что они призывают человека поклоняться Богу. Они вводят нас со склоненной головой и смиренным духом в святая святых. “Святая мелодия звучала в моей душе, когда я засыпал, - пишет он. - она звучала, когда я проснулся”.

Точно так же, как в древней мифологии, хотя человек божественного происхождения мог какое-то время беседовать с сыновьями и дочерьми людей, незамеченными или непризнанными, но взглядом или грацией движений неизбежно выдавал себя за потомка богов, так и если бы я хоть на мгновение усомнился в гениальности Ланье, мои сомнения рассеялись бы, когда в темноте, со склоненной головой и исполненным любви сердцем, я спел про себя его “Балладу о деревьях и Мастере”:

В лес ушел мой Хозяин,

Чистое растраченное, растраченное впустую.

В лес пришел мой Хозяин,

Растраченный любовью и стыдом.

Но оливки не были слепы к нему,

Маленькие серые листочки были добры к нему,

Терновое дерево имело к нему отношение,

Когда он пришел в лес.

Из леса вышел мой Хозяин,

И он был вполне доволен.

Из леса вышел мой Хозяин,

Довольствоваться смертью и позором.

Когда смерть и позор настигнут его в последний раз,
Они вытащили его из—под деревьев - последним;
Они убили его на дереве — в последний раз,
Когда он вышел из леса.

Одним из афоризмов моей юности было: “Poeta nascitur, достойный оратор”. Я не сомневаюсь в том, что поэт “рождается” и всегда носит на себе знаки своего божественного дарования; но то, что оратор “становится” или случается таковым случайно или трудом, я должен решительно отрицать. Определенная беглость речи, определенный блеск ораторского искусства, возможно, могут быть достигнуты с помощью ораторской муштры и практики. Если кто-то настроен, подобно элегантным ораторам постпрандимального типа, встать перед зеркалом и попрактиковаться в приемах жестикуляции и речи, он может надеяться добиться аплодисментов от тех, чья кровь хорошо охлаждается льдом в банкетном зале. Я правильно назвал это ораторским искусством “после приема пищи” по той причине, что оно наиболее ценится, когда в основном работает желудок, а не мозг.

Но если бы кто-нибудь в детстве попал под несравненные чары настоящих мастеров форума, тех, кто был так же “рожден” для этого, как Ланье для поэзии или Слепой Том для музыки; если бы в течение полудюжины лет ему было позволено услышать в расцвете сил Джефферсона Дэвиса, Роберта Тумса, Бена Хилла, Александра Стивенса, Джаджа Ламара и Уильяма Л. Янси, послеобеденная элегантность ораторского искусства названного мной класса была бы скучной и унылой. Я бы не стал недооценивать людей, получивших более позднюю известность, но я уверен, что не только время и расстояние придают очарование именам той плеяды знаменитых ораторов, которые завершили преемственность великих людей Старого Юга. Я бы ни на йоту не умалял притязаний Нового Юга на ораторское искусство, но я твердо стою на тезисе, самоочевидном для выживших жителей Старого Юга, что золотой век ораторского искусства южан закончился поколение назад. По сравнению с Янси, воплощенным гением ораторского искусства, любая речь этого превосходного мастера собраний рядом с лучшими ораторами послевоенного периода (всегда исключая Генри В. Грейди) подобна Гипериону по сравнению с сатиром.

В день, который никто из присутствующих никогда не забудет, когда сгущались тучи войны и старые политические проблемы уступали место главному и ужасному вопросу времени, в маленьком южном городке, в течение двенадцати часов я слушал величайшего из ораторов последней трагической эпохи Старого Юга. Слова “Виги” и “Демократ” вызывали в воображении, и старомодный обычай совместных дебатов все еще был в чести. Была близка суть интенсивной и упорной кампании, и только гиганты платформы соперничающих партий были востребованы в этом случае. На пятьдесят-сто миль вокруг города, не имевшие, как сейчас, железнодорожного сообщения, в решающий день кампании высыпали свои делегации. В течение двух дней и ночей подряд процессии с флейтами, барабанами и оркестрами, пушками и кавалерией устраивали конкурирующий парад. Костры огромного барбекю с длинными рядами параллельных ям, в которых под неусыпным присмотром опытных поваров-негров жарились целые коровы, овцы, свиньи и бесчисленное количество индеек, источали аромат, который соблазнил бы утонченный вкус Эпикура. Были сформированы платформы, и белокурые молодые женщины и розовощекие дети символически выражали доктрины своих

предков и пели нам до тех пор, пока наши сердца не загорелись. Для маленького мальчика здесь были еда и питье, безграничные виды и звуки, а также напряженное возбуждение, которое наполняло его тысячей острых ощущений, ибо в присутствии и звуках великих людей его страны сердце мальчика должно было расшириться, а его амбиции воспламениться.

Даже через сто лет я не смог бы забыть речи и ораторов того богатого событиями дня. Целые отрывки врезались в память и сейчас, спустя пятьдесят лет после того, как они были произнесены. Я вспоминаю ликование Бена Хилла, когда, подняв старый плакат, на котором было написано: “Бак, Брек и Канзас”, он сказал: “Ты получил свой доллар, ты получил свой Брек, но где твой Канзас?” Или Браунлоу, с тяжелым ударом кулака по столу заявляющий: “Я бы скорее проголосовал за старую одежду Генри Клея, набитую соломой, чем за любого живого человека”. Или Тумс с массивной головой и величественной осанкой, в пылкой речи осуждающий нечестивый союз определенных людей Старого Юга с врагами его самого жизненно важного института. Или Стивенс, маленький и изможденный, желтоватый и неопрятный, с окурком сигары в руке, его тонкий металлический голос со странной силой проникает в самую отдаленную часть огромного собрания под открытым небом. Весь день, взад и вперед, бушевала битва гигантов. К ночи демократы были в ужасном отчаянии из-за кажущейся победы оппозиции. Янси лежал больной дома, в шестидесяти милях отсюда, и провода были постоянно накалены мольбами доставить его любой ценой, если это возможно, на место происшествия. В девять часов того вечера я увидел странную дань уважения силе этого оратора, которому, я не сомневаюсь, не будет равных в будущем, как и в прошлом. Бледный и изможденный, забранный из палаты больного и поспешно доставленный специальным поездом, взваленный на плечи людей, кумиром которых он был в течение двадцати лет, он был вынесен на платформу в конце дня великой победы противоборствующей стороны. Обладая необычайно музыкальным голосом и необъяснимым магнетизмом, который воздействовал на всех нас, он начал двухчасовую речь. В течение часа, такова была магия этого человека, он переломил ход поражения, сплотил свою партию и наполнил их надеждой и мужеством. В течение следующего часа он получал оглушительные аплодисменты даже от своих политических врагов и свел на нет всю мощную работу гигантов оппозиции и отправил их домой с холодом в сердце.

С такими политическими лидерами, как эти люди, и с лучшим интеллектом и характером Старого Юга, которые на протяжении поколений посвящали себя изучению и изложению чистейшей партийной политики, я не удивлен более высоким уровнем партий и платформ Старого Юга. Политика не была “взяточничеством”, как определяет это современный политический деятель. Политическая и личная совесть были одним и тем же, и политика человека была немалой частью его религии. Я не говорю, что все политические лидеры были неподкупными государственными деятелями или что бескорыстный патриотизм был неизменной чертой политики этой партии. Демагог не был неизвестен, и иногда проявлялась тонкая итальянская рука наемника. Но в одном факте я абсолютно уверен — баловень и взяточник не имели признанного и официального положения в той старой демократии. Люди со способностями и характером могли стремиться к политическому положению и почестям. Они могут даже выйти за рамки личного желания и стать открытыми кандидатами на благосклонность партии. Но услуги платного политического менеджера, примирение партийного “босса”, субсидирование партийных “хилеров”, использование партийной прессы в пламенных, восхваляющих себя колонках и даже страницах платной рекламы, *до тошноты и до бесконечности*, как в недавних политических состязаниях на Юге, - все эти новомодные

заимствования и изобретения “арахисовой” политики заслужили бы неизмеримое презрение политиков Старого Юга. Существовали определенные старомодные политические максимы, которые составляли кодекс поведения каждого человека, который становился кандидатом на должность, как, например, “Должность должна искать человека, а не человек - должность”. У меня не хватает духу осуждать политика Нового Юга за его улыбку при виде зелени и простодушие подобной максимы, но то, что вызывает улыбку, было в те годы, которые я помню, рабочим девизом старых южных лидеров высокого ранга. Другая максима заключалась в том, что “патриот может обеднеть, но не обогатиться, занимая должность”. В качестве комментария к этой максиме, оглядываясь назад на длинный ряд людей, руководивших великими политическими кампаниями Старого Юга и занимавших там самые высокие посты, я испытываю бесконечное удовлетворение от того, что большинство из них умерли бедняками, что, насколько мне известно, никто из них не был обвинен в превращении государственной должности в личную выгоду, и что высшим стремлением политика старых времен было послужить своей стране каким-нибудь великим делом бескорыстного патриотизма, жить как джентльмен, а затем умереть с неиспорченным сердцем и руками и с деньгами, достаточными для обеспечения достойных похорон. Если он и оставлял кое-какие долги то тут, то там, их с благодарностью берегли как сувениры его многочисленные друзья.

Ранее на этих страницах я поднимал вопрос о том, почему Юг, некогда столь могущественный в национальном совете и руководстве, теперь стал простым слугой национал-демократической партии, настолько, что признанный сэр Оракул республиканизма и рупор его превосходительства Президента вынужден напоминать нам, будучи гостем на южной земле, о нашем первоизданном месте и могуществе, и увещевать нас, с откровенностью открытого и достойного врага, перестать играть роль лакея в национальной политике и, как и прежде, выдвигать нашу собственную доморощенную политику. государственных деятелей на высшие государственные должности и на службу, а также снова сделать все, что в наших силах, чтобы восстановить утраченный политический престиж Юга. От кого бы это ни исходило, от республиканца или демократа, Гросвенора или Гранта — поскольку последний перед своей смертью придерживался схожих взглядов с первым, — совет хорошо дан и точка зрения хорошо понята. Но когда однажды начнется возрождение, я думаю, Авгиеву конюшне современной политики, даже на Новом Юге, понадобится еще один Геркулес, чтобы очистить ее. Возьмем, к примеру, это заявление из недавнего выпуска крупной южной газеты: “Четыре кандидата на пост комиссара железной дороги потратили в общей сложности 14 940,80 долларов на расходы на свою предвыборную кампанию, мистер ..., который был выдвинут, лидировал с 10 522,80 долларами. Двенадцать кандидатов в Верховный суд выплатили 7 133,34 доллара. Шестнадцать кандидатов в Конгресс потратили 15 965,88 доллара”.

Недавно в "Индепендент" ведущий демократический промышленник Нью-Джерси, явно сильно обиженный, рассказывает о своем опыте работы делегатом на Съезде демократической партии штата, на котором, как и на других съездах Демократической партии, были предприняты энергичные усилия, чтобы добиться одобрения нечистого на руку кандидата на высший пост республики. Статья, которую я цитирую, является очевидным примером "горшка и заварочного чайника", но в ней рельефно показаны границы и методы, до которых дошло доминирующее крыло партии Джефферсона и Джексона, безусловно, в некоторых Северных, если не в Южных штатах. Я цитирую заключительный абзац статьи как точную картину недавних политических событий:

Какие средства используют боссы? Во-первых, коррумпированные судьи на праймериз и тактика бульдозеризации там. Во-вторых, бьющий челом глава округа и делегации со своими сопровождающими головорезами. В-третьих, должным образом организованный комитет по проверке полномочий, с заранее сделанными договоренностями, чтобы были конкурсы, и конкурсы решались сами собой. В-четвертых, тактичный председатель, который будет прекрасно себя вести, лицемерить и претендовать на справедливость, но никогда не признает никого, кроме людей-машин. В-пятых, присутствие босса с его всегда готовой чековой книжкой и прекрасным знанием людей, позволяющим понять, что он должен сделать, чтобы завоевать их расположение.

Поскольку это правдивая картина господствующего духа и методов немалой части северной демократии, а я твердо верю, что так оно и есть, я думаю, что Югу пора сначала очиститься от скверны, возникшей в результате тридцати лет раболепия и выхолащивания, а затем утверждать и поддерживать целостность и высокие принципы Демократии отцов. Если когда-либо воры и менялы были изгнаны из древнего храма, то настало время, чтобы плеть общественного презрения легла на спины всех людей, Севера или Юга, которые помогли разрушить и опозорить некогда благородную и победоносную национальную партию. Когда я вспоминаю, как солдат Конфедерации, что Уильям Маккинли — мир его праху — в городе Атланта, будучи президентом-республиканцем, выступал за равное признание смерти конфедерата и федерала; и что тот, кто был удостоен Демократической партией звания знаменосца и занимал высокий пост, отказался голосовать за бывшего кандидата от Конфедерации, опасаясь немилости своего западного избирательного округа; и когда в течение последних месяцев в крупных городах Юга я лично видел хитрую работу наемных приспешников миллионера Саффона, разносчик новостей, самым настойчивым и оскорбительным образом стремящийся купить высокое положение для своего хозяина, я готов еще раз отделиться, за исключением того, что вторым актом отделения будет разрыв всех уз, которые привязывают мою партию к коррумпирующим методам и руководству, и восстановление на Новом Юге высоких политических идеалов и независимости демократии Старого Юга.

До сих пор я пытался изобразить, с откровенной пристрастностью, социальные, интеллектуальные и политические особенности Старого Юга. Но я был бы серьезным неудачником в своей портретной живописи, если бы оставил без внимания то, что составляло для нее нечто большее, чем богатство, культура, ученость или вечеринка. Если у Старого Юга и было чего-то больше, чем у других, я думаю, это была благоговейная и религиозная жизнь и атмосфера, которые распространялись среди всех классов его населения, будь то белый сухарь, принц с плантации или смуглый раб. Если бы меня попросили объяснить эту атмосферу религии, я бы вряд ли знал, с чего начать. Возможно, его преимущественно сельское население и мирные занятия сельским хозяйством предрасполагали к религии простодушных людей, составлявших Старый Юг. Однако в большей степени это, должно быть, было связано с религиозной примесью в крови Кавалеров, гугенотов и богобоязненных шотландско-ирландских предков, от которых они произошли. Прежде всего, я думаю, что высокие примеры благочестивой профессии и практики лидеров Старого Юга позволили каждому последующему поколению легко усвоить первый и самый благородный из всех уроков — благоговение перед Богом, его Словом и Его Церковью. И по сей день почитание Старого Юга на Новом Юге

неизменно. В то время как Новая Англия, некогда цитадель ортодоксальной Библии, Церкви и субботы, теперь стала жертвой бесчисленных измов и нововведений, и в то время как великий Запад отмечен болезненным контрастом между его крупными светскими предприятиями и крошечными церквями и конгрегациями, Юг по-прежнему в значительной степени остается не только признанным домом единственного чистого американизма, но и центром консерватизма и благоговения в поклонении Богу и поддержании христианских институтов.

Ни в одной части нашей страны христианская суббота не почиталась так высоко, только в Канаде с ее благоговейно установленным днем отдыха она превосходит нас в соблюдении субботы. Здесь и там, однако, необходим предостерегающий сигнал об опасности, связанной с жадностью железнодорожных и других нарушающих закон корпораций, а также с распушенной моралью инопланетян, которые прибывают к нам с деньгами, но без религиозного воспитания или убеждений. Ни в одном другом разделе нет такой широко распространенной католичности духа и терпимости к различиям между противоположными религиозными верованиями. Если римский католик и был более свободен от нападок на свою религию в какой-либо стране или в какое-либо время, чем на Юге, то мне не удалось этого найти. Если бы к еврею так же доброжелательно относились где-нибудь еще под солнцем, я был бы рад узнать это. И если где-нибудь и существует такая же прекрасная вежливость и братство, как среди наших южных протестантских организаций, мне еще предстоит это обнаружить. Несколько месяцев назад, хотя я принадлежал к другой деноминации, я был призван на их платформу великой Южной баптистской ассамблеей. За месяц до этого я был вызван в Камберлендскую пресвитерианскую семинарию в Ливане для обучения своих молодых людей. За месяц до этого я писал статьи для главного религиозного органа южных пресвитериан. Я прожил достаточно долго и достаточно знаком с другими частями света, чтобы знать, что такая практическая католицизм в основном наблюдается на Юге.

Нигде так широко, как на Юге, люди не чтят дом Божий своим присутствием и поддержкой. Я беру на себя смелость сказать, что в любой субботний день в церквях Ричмонда и Атланты по подсчетам можно встретить больше мужчин, чем в Чикаго и Нью-Йорке, хотя совокупное население последних городов в десять раз больше, чем в первых. Эти же самые верующие мужчины Юга, идущие по стопам своих богобоязненных отцов, являются членами и сторонниками Южных Церквей и быстро возмущаются нововведениями или нарушением старого порядка. Ни один человек не относится с таким почтением и вежливостью к людям духовного звания, как жители Юга, и где бы служитель Евангелия ни проходил по улице южного города или деревни, если он достоин носить одежду своего священного призвания, он является первым человеком в своей общине по положению и влиянию.

Почему это относительное уважение к священнику и Церкви, а также это цепляние за религиозные формы и традиции, понимают те из нас, кто приехал со Старого Юга. Любой благоговейный дух Нового Юга в вопросах религии - это еще одно наследие Старого Юга. Тогда, как и сейчас, даже в большей степени, чем сейчас, для наших лидеров и великих людей религия была на первом месте, политика - на втором, а деньги, или что бы там ни обозначали деньги, - на последнем и наименьшем. Насколько я помню и читал в самых ранних книгах, губернаторы, сенаторы, конгрессмены, судьи, выдающиеся юристы, врачи, торговцы и плантаторы, как правило, были христианами как по профессии, так и на практике; и человек, который был враждебен или даже безразличен к Церкви и религии, каким бы выдающимся и блестящим он ни был, находился под запретом общественного мнения. В качестве комментария

к этой значительной религиозной принадлежности руководства Юга я несколько лет назад тщательно отметил в двух контрастирующих списках губернаторов и конгрессменов, взятых наугад, что в то время как в одном списке из двадцати пяти человек пять были членами христианских церквей, в списке южан из двадцати пяти человек было восемнадцать. Хотя я разделяю широко распространенное сожаление по поводу того, что наши южные молодые люди не столь благоговейны, как поколение назад, и часто бросаются в глаза отсутствием на субботнем богослужении, все же, принимая во внимание те факты, о которых я рассказываю, я больше надеюсь на решение острой проблемы христианской молодежи на Юге, чем в какой-либо другой части страны.

Я отдал дань уважения великим политическим ораторам Старого Юга. Позвольте мне воздать должное его великим проповедникам и ораторам с кафедры, которым, клянусь Богом, больше, чем какому-либо другому классу или руководству, следует отдать должное за то, что Юг всегда ценил как лучшее. В те дни были великаны. Если Янси или Стивенс могли околдовать большое политическое собрание и сыграть на его эмоциях, как арфист играет на арфе, то Джордж Ф. Пирс в расцвете сил мог взволновать сердца людей так, что посрамил бы даже красноречие политической трибуны. Последний раз, когда я слышал этого величайшего из всех ораторов Старого Юга, был незадолго до его смерти. Марвина, по праву прозванного “Святым Джон Методистский”, сидевший за кафедрой позади него. Большинству слушателей Пирс и его проповедь были известны только понаслышке, и они твердо верили, что Марвин был настоящим принцем кафедры. Я помню, как Пирс боролся со своей телесной слабостью и усталостью, и как в его глазах вспыхнул тот чудесный огонек, когда его старинное красноречие вознесло его к небесным высотам и видениям. Он проповедовал чистую веру, когда-то переданную святым, и умолял о старом порядке простой евангельской истины и жизни. Ему было что сказать о новом порядке служителей, которые заменили давно лелеемые доктрины Церкви сомнениями и отрицаниями. Его вступительная фраза звучала так: “Один-единственный метеор, пронесшийся в небесах, привлечет большее внимание, чем безмятежное сияние тысячи планет”. Кажется, я знаю, кого имел в виду старик красноречивый. Незадолго до этого щеголеватый проповедник, скупаемый жаждой популярности, распространял надушенную и бездымную теологию, которая привлекала огромные толпы и щекотала уши простых людей. Теология Старого Юга была слишком грубой, варварской и ненаучной для таких, как он. Бытие было аллегорией, творение - эволюцией, человек был доадамическим, всемирный потоп был всего лишь местным ливнем, Пятикнижие было многоцветным, Моисей по большей части мифическим, было два Исаяи, вся история до изгнания и писания были состряпаны благочестивыми экспертами после изгнания, воплощение и воскресение были трогательными легендами, но “совершенно ненаучными”, ад был “аидом”, а аид был сносно комфортабельным зимним курортом, и библейское вдохновение, по сути, редко вдохновляло. Много раз, видя и слыша таких изящных апостолов выхолащенной Библии, я страстно желал, чтобы призраки отважных проповедников моего детства — Пирсов, Томаса Сэнфорда, Джефферсона Гамильтона, А. Л. П. Грина, П. П. Нили, Джесси Боринга, Мактиера, Уайтмана, Саммерса и им подобных — восстали в своем божественном гневе и трясли их над пылающей бездной настоящего старого, ничем не ограниченного “ада” достаточно долго, чтобы заставить их замолчать и раскаяться.

ЕПИСКОП Джордж Ф. ПИРС.

Внизу, на соломе, на скамейке скорбящих лагерного собрания Старого Юга, некоторые из нас получили свое богословие и религию. С Библией, чудом и пророчеством, обращались благоговейные руки, и она стала для нас наиболее реальной как непогрешимое слово Всемогущего Бога. Закон Синай, с нескончаемыми проклятиями и благословениями, был прочитан нам под стенания нашей обеспокоенной совести. Не было столь вежливого слуха, не было столь возвышенного положения, но живой и пылающий ад был осужден за его низость. Так же глубоко, как вирус греха заронил в наши души сверкающий обоюдоострый меч Духа. Рана была намеренно сделана глубокой и широкой, чтобы бальзам Галаада мог проникнуть внутрь и исцелить самые глубокие корни греха. Мало-помалу, когда Иоанны баптисты, такие как

Боринг и Ловик Пирс, задели за живое и обнажили уязвленный дух, появилось более мягкое,добивающееся служения служение, подобное служению Гамильтона или Нили, указывающее путь ко кресту. Не было поднятия кончика пальца, изящно затянутого в перчатку, в знак желания когда-нибудь стать христианином. Цветные карточки с именем и расценками евангелиста, соглашающегося встретиться со всеми на небесах, не передавались для подписи. Я никогда не слышу старый приглашающий гимн, который соблазнил многих закоренелых грешников Старого Юга, когда они пели его в покрытой листвою беседке под мерцающие огни, после странного, неземного волнения наших сердец человеком с кафедры, но я думаю о великом адвокате по уголовным делам, который много лет возглавлял коллегия адвокатов своего штата и высмеивал Божью Книгу, Церковь и служителей. У него был старый кучер, который был одним из святых Божьих в черном, седовласым и терпеливым “дядей Алеком”, который скорбел и молился о своем неверующем хозяине. “Дядя Алек, ” сказал он ему однажды, “ почему ты веришь в книгу, которую не можешь прочесть, и в Бога, которого никогда не видел? В моей библиотеке тысячи книг, но религия меня совершенно не интересует”. Единственным ответом дяди Алека было положить руку на сердце и сказать: “Масса Джон, я был верен тебе все эти годы, не так ли, Марстер?” “Да”. “И я никогда не лгал тебе и не ослушивался тебя, не так ли, масса Джон?” - ”Нет“. “Тогда, марстер, именно моя религия сделала меня тем, кто я есть. Я не умею читать, я не могу видеть Бога, но я знаю Господа Иисуса Христа здесь, в моем сердце”.

Привлеченный каким-то заклинанием, которому он не мог сопротивляться, великий юрист пришел на старую территорию лагеря и выслушал ужасно торжественное послание проповедника со склоненной головой и сердцем, полным тревоги. Когда был спет гимн,

“Приди, смиренный грешник, в чьей груди

Тысячи мыслей крутятся в голове;

Приди, подавив свою вину и страх,

И прими это последнее решение”,

Я никогда не забуду испуганный взгляд проповедника и людей, когда прямо к скамье скорбящих устремился адвокат, крича в агонии, когда он упал на землю: “Пошлите за дядей Алеком!” И внизу, в соломенно-седой старина Алек боролся с Богом за Масс Джона, пока скорбящий и прихожане не подняли громкий крик, когда учитель обнял старого негра, а негр обнял своего учителя, говоря: “Я знал, что это произойдет, масса Джон”. Вы простите человека, голова которого седеет, если временами в сердце возникает жажда оглянуться назад и увидеть и услышать старые образы и звуки Божьего присутствия и силы, как это было открыто, особенно на древних и ныне почти исчезнувших лагерных собраниях.

Ясным апрельским днем 1861 года в старой академии были закрыты книги, на улицах раздавались звуки горна и барабанная дробь, люди спешили друг к другу, и вскоре грохот пушки потряс здание, когда нам рассказали о бомбардировке Самтера батареями молодой Конфедерации. Месяцами сам воздух вибрировал от звуков барабана и флейты, бряцания мушкетов и боевых команд. Вскоре Старый Юг превратился в огромный лагерь сменяющихся,

тренирующихся солдат. Каждый уходящий поезд увозил на фронт необученные войска страны, опрятные городские роты государственной гвардии и пестро одетых кадетов военных училищ. Это были нежные расставания и долгие прощания, такие долгие для многих из них, что до сих пор недошло ни слова домашнего приветствия. Казалось великим делом быть солдатом в те храбрые дни, когда девушки украшали прощающихся цветами и пели им “Девушка, которую я оставил позади”, “Прекрасный голубой флаг” и “Мэриленд, мой Мэриленд”. Алый, золотой и серый цвета, сверкающая шпага и начищенный мушкет, веселые цветы и прощальная песня ознаменовали начало той могучей смертельной битвы Старого Юга. Вскоре веселая песня растворилась в тишине перед великой битвой или переросла в крик пораженного сердца над длинными списками раненых и убитых. Война становилась мрачной, жестокой и безжалостной. Были голод и раны, бледные лица в госпиталях и мучительная смерть мужчин на фронте; и бессонница, и душевная боль, и священные лишения, и несокрушимое мужество, и комфорт южной женщины дома. Все яростнее и горячее разгоралась битва, когда тонкие серые линии Ли и Джонстона противостояли солдатам и ресурсам всего мира. Манассас, Шарпсбург, Фредериксберг, Севен-Пайнс, Чанселорсвилл, Виксбург, Геттисберг, Дикая местность, Колд-Харбор, Петербург, Аппоматтокс!— как эти имена, окутавшие крепом тысячи сердец и домов и отмечавшие взлеты и падения боевой волны, напоминают нам об уходе Старого Юга!

Другим апрельским днем 1865 года, мальчишкой из дивизии Махоуни, я в последний раз взглянул в лицо Старому Югу и его великому командиру, который проехал верхом вдоль линии наших сложенных орудий и, остановив своего старого серого боевого коня Тревелер, попытался утешить наши сердца, сказав: “Все кончено. Не берите в голову, мужчины; вы сделали все, что могли. Расходитесь по домам и будьте такими же храбрыми и верными, какими вы были со мной”.

В великий день национального суда, когда империя, королевство и республика земля будут собраны для суда, и Муза истории развернет летопись их добра и зла, Старый Юг, “некоронованная королева” веков, будет среди них, ее белое облачение запятнано кровью ее сыновей, ее глаза затуманены печалью и страданием. Никакой лавровый венок не будет окружать ее чело, и никакая громкая труба славы не возвестит о ее приближении; но вокруг ее прекрасной, гордой головы, как в былые времена, будет сиять ореол любви, и Слава с упреком склонит голову, и труба выпадет из ее ослабевшей руки, когда дух Старого Юга пройдет мимо.